

С Валентином Григорьевичем Распутиным я познакомился в конце шестидесяти годов, когда стал ходить в Иркутский дом литераторов на заседания ТОМа – Творческого объединения молодых, – довольно весёлого и шумного собрания. Иркутск того времени – город маленький, и вся культура была сосредоточена в центре: Драмтеатр, ТЮЗ, музеи, мастерские художников, поэтому разминуться было невозможно. Мы жили на одной улице, наши дочери – Маша Распутина и моя Светлана – посещали одну группу детского сада, где мы часто встречались, когда приходили за детьми. Писательский круг в то время был нешироким: около тридцати членов Союза писателей СССР и примерно столько же, может быть, чуть больше тех, кого называли литературным активом. Молодых привлекали к участию в работе писательской организации, мы выступали совместно со старшими писателями на литературных вечерах, встречались с читателями на заводах и фабриках, в студенческих и рабочих общежитиях не только в Иркутске, но и в поездках по области, которые организовывало Бюро пропаганды художественной литературы. За выступления платили, и когда кончались литературные гонорары, можно было заработать, как говорится, “для поддержания штанов”. Общение со старшими писателями было для нас школой жизни, освещённой высоким смыслом служения литературе.

Иногда, очень редко, в таких поездках участвовал и Валентин Григорьевич. И уже тогда в близком общении была видна его особенность, не обособленность, а именно особенность: в поведении, в твёрдости мнений, в принципиальности. В памяти хранилось множество встреч, картин, фраз, некоторые я фиксировал на бумаге, чтобы не утратились, пусть это были фрагментарные, но яркие свидетельства его жизни.

Можно назвать удачей, а может быть, чем-то большим то, что я на протяжении десятилетий общался с Валентином Распутиным и в правлении писательской организации, и в редколлегии журнала “Сибирь”, и в Президиуме Общества охраны памятников истории и культуры, и в многочисленных поездках по области и стране, слушал его выступления на различных съездах и пленумах, на Всемирном русском народном соборе в Москве, и на вдохновляемых им Днях русской духовности и культуры в Иркутске.

Валентин Распутин был знаменитым писателем и в смысле знамения, и в смысле знамины. Его известность, а потом и слава утверждались медленно и незримо от книги к книге, от выступления к выступлению, от действия к действию. Не было резкого всплеска читательского интереса, как иногда бывает, но не было и забвения. Даже в последние годы, когда Валентин Распутин ничего не писал, он оставался неким неофициальным средоточием

в литературной жизни России. И значимость ему придавала уже не только и не столько литературная деятельность, а его личность человека особой значимости, крепости и пророческой притягательности: к нему шли за советом, от него хотели услышать, что происходит с нами и с миром, куда нам идти и что делать.

Я думаю, что сегодня, когда земной путь Валентина Распутина завершился и книги его легли в сокровищницу золотого фонда русской литературы, нам важен и образ Распутина, человека, жившего с нами рядом, в повседневных заботах, болезнях, во всём, что мы называем бытом, для того чтобы, может быть, яснее понять и тот мир, который запечатлён писателем в его трудах.

Из записей, которые накопились у меня за годы общения, я выбрал наиболее, на мой взгляд, интересные, в которых предстаёт в различных жизненных ситуациях живой Распутин.

4 октября 1982 года.

Встретил Распутина в Доме литераторов. Попросил его выступить перед участниками Литобъединения при Областном комитете комсомола, которым я руководил, но он даже не захотел дослушать меня: я не умею говорить, да и не о чём мне говорить...

17 мая 1983 года.

Литературная встреча в актовом зале Октябрьского РК КПСС. Распутин: “Я смотрю, в зале сидят серьёзные люди, сразу видно – пропагандисты. Иногда по улице идёшь, видишь, человек с серьёзным лицом – точно пропагандист. Был бы у меня сильнее голос, я мог бы говорить что-нибудь весёлое, но голос у меня слабый. Год с небольшим назад я написал рассказ и сначала не собирался его публиковать. А когда надумал, то его не напечатали, потому что я оказался в некотором роде пророком. Рассказ достоверный, я ничего к нему не прибавил от себя, даже наоборот, убавил, чтобы он был правдоподобней. Рассказ не напечатали, потому что 1 февраля наши цены резко пошатнулись, но не в меньшую, а в большую сторону. И чтоб не напоминать об этом, решили повременить. Потом, сказали, когда улягутся страсти. Издадут, конечно, когда-нибудь, куда они денутся”. И прочёл рассказ “Слух”.

16 декабря 1986 года.

В 11:00 проходила встреча с английским писателем Андерсоном, организованная горкомом партии. Были Распутин, Гурулёв, Филиппов. Обычная полуофициальная встреча, дежурная и по сути ничьённая. Распутин, прощаясь, сказал: “Оревуар”. Англичанин переспросил, переводчик пожал плечами. Тогда Распутин сказал: “Это “до свидания” по-французски”. Все дружно хохотнули.

17:00. Обсуждение на редколлегии “Сибири” повести А. Н. Литвинцева “Мертворождённая” – о коллективизации. Распутин в заключение сказал, что не надо надеяться, что с цензурой будут дела обстоять просто. Надо всё же дать убрать те места, которые не могут навредить целому, чтобы состоялась публикация.

Лето 1986 года.

Поездка в Братск. Выступление на братском телевидении. Валентин Григорьевич сильно волновался. На лбу – испарина. Читал отрывок из “Вверх и вниз по течению”, говорил о повести, о затоплении водохранилища. Когда мы после передачи сидели у редактора, позвонила сестра Распутина, она жила в Братске. Я услышал обрывок фразы: “За что спасибо? Да я говорить не умею. Язык как деревянный”. (Видимо от его недовольства тем, как он говорил на публичных выступлениях, родилась в дальнейшем привычка Валентина Григорьевича готовиться к наиболее важным выступлениям и зачитывать тексты, заранее написанные для этого. – В. К.).

31 октября 1991 года.

В. Г. Распутин пригласил нас с Анатолием Григорьевичем Байбородиним к себе в Старокошуненный переулок. Был в Москве очередной съезд СП России. Вначале домом обозначились, потом ошиблись подъездом. Женщины (дежурные) – перепуганные какие-то. Время бандитское.

Одна из них сама вызвалась проводить до распутинского подъезда:

– Вот здесь живёт Распутин. Мы его все знаем и любим. (Непренменно “все” и такое неожиданное “любим”).

Удивительно услышать такие слова в Москве среди делового торопливого равнодушия. Вокруг Распутина много добрых людей, постоянно бывающих у него. Взять хотя бы Льва Михайловича Анисова, с которым он нас познакомил в этот раз.

Когда вошли, В. Г. сказал:

- Вот так живут советские баре.
- Обстановкой-то сами обзавелись? – Байбородин спросил.
- Какой там. Всё чужое. Всё было, когда въехали.

За столом несколько раз останавливал за разговорчивость жену Светлану Ивановну.

Пошёл провожать нас.

Я спросил:

- Как тебе здесь живётся?

– Да неделю ещё выдерживаю, а потом тоска, хорошо хоть иногда к Шафаревичу сходишь, с Кожиновым поговоришь.

26 апреля 2003 года.

Накануне договорились пойти на ночное Пасхальное богослужение в Троицкий храм. Встретились с Альбертом Гурулёвым (друг В. Г. Распутина со студенческих лет) в половине десятого возле Дома литераторов и зашли к В. Г. Он уже был готов и поджидал нас. Обходя лужи, хотел взять его под руку, чтобы не ступился, накануне был дождь, да и ещё лежавший на северной стороне снег не весь сошёл, но Валентин руку молча отстранил, в одном месте всё же черпанул в ботинок воды. Фонарей на улице нет, а из окон свет несильный. Вспомнили, что в доме напротив живёт мэр, Якубовский.

27 июня 2003 года.

Был на губернаторском приёме в честь приезда Е. А. Евтушенко. Он в синеватых полосатых брючках-дудочках, серых носках, чёрных ботинках, светло-синий пиджак, очень длинный, мешковатый, туловище получается несуразно огромное, светлая рубашка, галстук в голубых цветочках и разводах. Коротко стриженные редкие волосы, походка геморроидальная, а взгляд живой, цепкий. На встрече с читателями Е. А. сожалел, что на улицах Москвы бьют негров: “Я рад, что Пушкина нет в живых, иначе и его бы побили”. Глупость чистойшей! Русские либералы всех “жалуют” во всём мире, кроме русского народа. Такие вот “защитнички” чуждых народов.

12 февраля 2004 года.

Звонил Валентин из Москвы, спрашивал о журнале. Я ему рассказал о том, как Кутищева (Вера Ивановна, министр культуры Иркутской области в то время. – **В. К.**) на совещании объявила о прекращении финансирования “Сибири”. Я утром, выступая в прямом эфире, – так совпало, – сказал, что журнал “Сибирь” выходил даже в годы Великой Отечественной войны, но, зная, “наступили времена пострашнее, чем война”, как-то само собой срифмовалось. Эфир был прямой и ранний, в семь утра, тем не менее, министру донесли, и к десяти утра меня уже ждали в министерстве.

Кутищева, как только я вошёл в кабинет:

– Как вы могли такое сказать, Якубовский недоволен вашими словами, – и всё в таком же роде.

Я спросил:

- Вера Ивановна, а вы слышали, что я говорил?

Оказалось, что нет.

– Тогда давайте так договоримся: вы запросите в радиокомитете запись, послушаете, а потом мы поговорим. При пересказе, как правило, смысл искажается.

На этом и расстались. Но больше никогда Вера Ивановна к этому вопросу не возвращалась.

13 марта 2004 года. Москва.

Я приехал к Распутиным в 16 часов, а ушёл около 23. Ужинали вчетвером: Светлана Ивановна, Валентин Григорьевич, Семён Иванович Шуртаков, близ-

кий приятель В. Г., писатель, замечательный человек, большой книголюб. Я встречался с ним на всевозможных писательских собраниях, но близко познакомился у Распутина. Вспоминали товарищей Распутина по молодости: Г. Пакулова, А. Гурулёва, А. Вампилова, совещание молодых писателей в Чите в 1965 году, на котором приняли в Союз писателей сразу несколько молодых иркутян.

Почему-то стали вспоминать, кто, когда, что пил. В. Г. вспомнил, как пил одеколон, “но всего один раз, хватило”.

5 мая 2004 года.

В. Г. Распутин вошёл в кабинет, поздоровался и выждал паузу. Я замечал те моменты, когда он заходит без дела, просто так, ведь обычно он не любит пустых никчёмных фраз.

Поговорили о праздничных днях.

— Ты хоть на даче-то был? — спросил меня, зная, что я иногда работаю вечерами. Днём встречи с авторами, прочая суета. Даже как-то звонил мне в десять часов вечера в редакцию, а я ещё был там: “Вася, так долго даже олигархи не работают”.

— Да ездил в Култук, огородам с Тamarой пытались заниматься, да там ещё холодно, 1 мая — снег, 2-го — солнце, но не жарко. Байкал ещё подо льдом. А ты как? Светлана Ивановна приехала?

— Да, приехала, — как-то неудовлетворённо сказал. — Она у меня землю-то не очень любит. К огороду равнодушна. Маша ещё, если попросишь, что-то сделает, да она на дачу не приезжает, разве когда уже собирать надо. А Сергей... Вчера привёз “КамАЗ” навоза, я таскал, да руку сорвал (как вечером выяснится из разговора с А. С. Гурулёвым, и глазам хуже стало, не бережёт себя после операции). Если бы я сейчас выбирал себе жену, то выбрал бы ту, которая землю любит. Если любит землю, значит, полюбит и всё остальное, или почти всё.

Это “или почти всё” характерно для него. Он не любит категоричности, нередко уточняя или смягчая сказанное.

Вечером звонил Скифу, чтобы договориться помочь Валентину Григорьевичу перенести навоз на грядки, но его не было дома, потом был занят телефон. Утром он был занят, приехали на дачу часам к четырём дня. Валентин уже всё стаскал. Я говорю ему:

— Мы что, зря приехали? Ну, давай хоть что-нибудь сделаем, чтобы не стыдно было за стол садиться.

Он накрывал стол во дворе, носил из дома какую-то еду, выпивку. Посмотрел вокруг:

— Ну вот, если вопрос так ставится, отпилите вон тот сук на лиственнице, — показал рукой вверх, — свет закрывает, когда я работаю в зимовьё*.

Это походило на шутку, но он был серьёзен.

Принёс из дома верёвку, ножовку. Пошёл за лестницей:

— У меня сосед однофамилец, еврей. Я у него лестницу беру.

Валентин принёс стремянку, я приставил её к матёрому, в полтора обхвата ствола, забрался на самый верх лестницы, забросил верёвку на первый сук, подтянулся, залез на него и уже смог дотянуться до нужных веток и стал пилить. Ножовка с весёлым, сухим и уже смог дотянуться до нужных веток и стал пилить. Ножовка с весёлым, сухим и острым вжиканьем вгрызалась в древесину, и ветка, обломившись, с шумом полетела вниз.

— Слушай, ножовка у тебя хозяйская, острая, зуб интересный, вытянутый, не наша видно?

— Да это я из Японии привёз.

Я в жизни и плотничал, и столлярничал, и резьбой по дереву занимался, знаю толк в инструменте. Как оказалось, и Валентин тоже: это ж надо, в Японии высмотрел. Только человек понимающий мог тащить такую безделицу из Страны восходящего солнца. Человек, родившийся в деревне, универсален: и жнец, и на дуде игрец, и прочий спец.

Когда у Валентина делали ремонт на даче какие-то нанятые халтурщики, ту пилку “увели”. Жалко, ловкая была железка.

* Зимовьём, кроме привычного значения, у нас в деревнях называют отдельно стоящее во дворе тёплое рубленое из бруса или кругляка помещение с печкой. Ещё его называют летней кухней. Здесь ему всегда хорошо писалось.

15 июля 2004 года.

Идём с В. Г. покупать билеты в Барнаул. Накануне он звонил в компанию “Красаэро” и разговаривал с начальником представительства, так как в кассах билетов уже не было. Александр Витальевич (начальник) пообещал, даже дешевле (до Москвы рейсов больше и цены ниже, хотя по расстоянию почти в два раза дальше).

Заговорившись, ушли в конец улицы Горького, где находятся привычные за многие годы кассы Аэрофлота. Пришлось возвращаться – представительство располагалось в здании комитета по радио и телевидению на первом этаже. Александра Витальевича не было, но кассир, довольно симпатично улыбающаяся особа, связалась с ним по сотовому. “Дешёвых” билетов не оказалось, пришлось покупать по пять с лишним тысяч, я не рассчитывал на такую сумму, пришлось занять у Валентина Григорьевича недостающие 910 рублей.

В этой истории сказывался, по всей видимости, крестьянский характер Распутина. Экономными чаще всего бывают люди, испытавшие нужду в детстве. В нашем случае, казалось бы, любые билеты оплатят, а он всё равно хотел сэкономить, но ведь не свои деньги экономил, государственные.

По дороге говорили о всяких житейских делах. Валентин Григорьевич должен был ехать в Усолье-Сибирское с Альбертом Гурулёвым. У Гурулёва приехали родственники из США (внук, дочь, зять). Валентин Григорьевич пошутил:

– Внук гурулёвский очень любит мясо, поэтому придётся ехать в Усолье к Сумарокову (Илье Алексеевичу, директору Усольского свиного комплекса, близкому знакомому Распутина. – **В. К.**). Да и мне жену надо чем-то успокоить – я отказался взять её с собой в Барнаул. Она обиделась. А что брать-то? Она особа обидчивая, что не так – сразу скандалит, дуется. Без неё проще...

22–25 июля 2004 года.

Поездка с Валентином Григорьевичем в Барнаул, Бийск, Сростки. Договорился с Геннадием Митрофановичем Русских (в 90-е годы – главный редактор оппозиционной “ельцинскому” режиму газеты “Земля” в Иркутске, которую поддерживал В. Г. Распутин. – **В. К.**), чтобы он отвёз нас в аэропорт. Он подъехал ко мне домой, мы пообедали и заехали за В. Г.

В зале ожидания к Распутину подошла девушка-студентка и попросила автограф. Удивительно и несколько странно, что везде, где бы В. Г. Распутин ни появлялся, обязательно найдутся люди, которые его узнают. На паромной переправе, в трамвае, на базе отдыха “Казачка” под Тулуном и т. д., я был свидетелем: подходили люди, в основном молодые, даже юные. Так что зря вы, “господа” бывшие товарищи либералы, ждёте: не только старшее поколение знает и любит Распутина, но и новое читает и почитает.

Летели с пересадкой в Красноярске. Вместо ожидаемого Ту в Иркутске подали Ан-24, самолёт старый, видимо, выработавший свой ресурс, хвостовую часть постоянно вело в сторону, было ощущение, что пилоты постоянно выравняли непослушный хвост. Такой же самолёт подали в Красноярске. Валентин Григорьевич, возмущившись, сказал мне, что по возвращении позвонит в “Красаэро” и выскажет им своё неудовольствие. Но, вероятнее всего, не позвонил.

В ожидании рейса на Барнаул Валентин Григорьевич выпил кофе, я – бутылку пива, и долетели, в общем-то, легко.

В Барнауле нас встретили две начальственные дамы, “Волгу” подогнали прямо к самолёту. Одна из них – Галина Дмитриевна Колесникова, председатель Барнаульской писательской организации, поэтесса, а как зовут представительницу администрации, не запомнил, так как общался с ней мало, а в суматохе и мельканье лиц я имена вообще плохо запоминаю.

Доехали до гостиницы уже около полуночи, Валентина Григорьевича поселили в люкс, у меня был номер попроще, но с телевизором и холодильником. Поставил вещи и решил пойти посмотреть, где можно перекусить. Кафе и ресторан оказались закрытыми. Валентина Григорьевича решил не беспокоить – вдруг <он> устал, отдыхает. Спустился на первый этаж, а там уже администратор разыскивала меня, звонила в номер.

– Валентин Григорьевич просил найти вас, приглашает поужинать у себя в номере, он вам звонил, вы не отвечали.

– Меня в номере не было.

У Валентина Григорьевича на столе уже был нарезан сыр, копчёное мясо, хлеб, фрукты. Заварили чай. Валентин любит хороший, крепкий чай.

Звонит телефон. Валентин берёт трубку.

– Слушаю. Нет. Не надо, спасибо. Я уже не в том возрасте. Нет, не надо. – Сказал спокойно, без раздражения.

– Вот, стоит только войти в номер, и начинаются звонки. И так везде в последнее время. Помню, случай был: в дверь постучали, открываю. Стоит девушка симпатичная такая. Предлагает себя. Я пригласил её в номер. Разговорились, оказалось, работать негде, больная мать и дочь на руках. Промышляет этим. Дал ей денег, сколько-то было у меня, немного. Говорю ей, приходите, у меня ещё должны появиться деньги, я вам ещё дам, но не пришла больше...

Снова звонок. Берёт трубку, мягко отнекивается.

– Вася, давай отключим телефон, а то ведь не дадут житья.

Один телефон я отключил быстро, с другим пришлось повозиться: кто-то вилку примотал намертво скотчем в несколько слоёв к розетке, пришлось подрезать ножом. Видимо, мы не первые, кто пытался отмахнуться от “ночных бабочек”.

19 октября 2004 года.

11:05. В кабинет вошёл В. Г. Распутин. Поздоровались. Попросил несколько листочков бумаги: “Всегда ты на посту”.

– Хотя сфотографировать, что я как *будто работаю*. Так и сказал.

В прихожей – несколько тележурналистов с камерами. Сел за стол, положил перед собой бумагу, вытащил из кармана простую, прозрачного пластика с синим колпачком шариковую ручку. Посмотрел на меня как-то обречённо...

Вчера я позвонил ему, ответила Светлана Ивановна, что его нет дома. Потом, через час примерно, он позвонил. Я хотел с ним отправить в Усть-Уду журнал “Сибирь” с его повестью “Дочь Ивана, мать Ивана” для православной общины. Он собирался ехать на родину, в Аталанку, там строится новая школа и восстанавливается дом, в котором в детстве жил Валентин Григорьевич.

14 марта 2005 года. Москва. По окончании пленума.

До конца дней своих не устану удивляться мягкости В. Г. Не знающие его близко говорят о его жёсткости и неприветливости. Общаясь с ним на протяжении десятилетий, замечал в нём терпение, безропотность, спокойствие, умение понимать других и стремление к этому, любовь к друзьям и строгость. Близких людей у него не так много, к ним нежное отношение, именно нежное, внимательное, чуткое.

Пока шли к В. Г., ехали на метро, зашли в магазин. Купили водки, вина, закуски. Виктор Потанин, Виктор Лихоносков с подружкой. Валя всех отговаривал и того не брать, и другого, что дома всё есть. Мне заметил, зачем я такую дорогую водку беру, можно попроще.

Виктор Потанин – спокойный, полноватый человек, которого Валентин иначе как Витя не называл. У В. Г. привычка приглашать к себе всех, к кому он тянется душой. На бесконечных и бесчисленных пленумах и съездах, собраниях-заседаниях для каждого найдётся время и непременно заведёт к себе, накормит, напоит. То же самое и в Иркутске. Да ещё по дороге не позволит даже бутылку водки купить, свои деньги даёт, чтоб на них купили.

Ближе к полуночи стали расходиться. Виктор Иванович Лихоносков протянул мне свой фотоаппарат, попросил снять всех – придаёт этому важность. Живой человек, всё для него имеет значение, на всё обращает внимание. Увидел у меня свежий номер “Сибири”, попросил. Никому почти из москвичей это не интересно, а ему надо. И ведь будет читать.

Нет высокомерия в русском человеке. Прост и сдержан Распутин, величав и замкнут Кузнецов, благороден Шафаревич, прост Потанин. Давно размышляю о простоте русского человека и о самом понятии “простой человек”.

20 апреля 2005 года.

Два дня назад вернулся из Москвы В. Г., ехал поездом. Владимир Крупин (по словам Скифа) передал во все писательские организации по пути следования, что едет Распутин. И вот на всех больших станциях днём и ночью де-

легации писателей вваливались в вагон и приветствовали весёлыми, возбуждёнными голосами трезвого Распутина. В Перми встречал, естественно, Анатолий Гребнев.

Распутин после этой станции стал сам выходить навстречу встречающим, чтобы не смущать проводниц.

Во вторник позвонил мне из Драмтеатра, перед обедом, сказал, что зайдёт минут через сорок, потом позвонил, извинился, что не смог, и обещался часа в четыре. Принёс рассказ Крупина:

— Рассказ мне не показался, но ты посмотри. И вот ещё статья В. Троицкого, немного научная, но дельная, как и все его статьи.

Спросил: как журнал, как финансирование.

— Нормально, — ответил ему.

— А что ж ненормально-то будет, небось, Кутищева после твоего выступления испугалась, — улыбается.

Я спросил его о телеканале “Звезда”, кто будет финансировать.

— Есть там богатый человек Лебедев, а генерал Медведев собирает команду. Я им предложил Капитолину Кохшенёву, она им глянулась, пока ещё не выходит в эфир, но будет, думаю.

По поводу шумной кампании к 60-летию Победы:

— Проведут шестидесятилетие, и конец России. Путин пообещал в Германии, что будут приватизированы последние 100 предприятий в России. Это конец.

23 мая 2005 года.

Валентин Григорьевич вернулся из Монголии накануне. Зашёл в редакцию в половине третьего. Я ему рассказал о встрече с А. А. Ведерниковым, заместителем губернатора, на которой присутствовали Кутищева, Ступин и мы с Лаптевым, председателем нашей организации. Ведерников заинтересованно слушал и обещал всяческую помощь, вплоть до создания Фонда поддержки журнала “Сибирь”, призывал к активным действиям, не объясняя, что имеет в виду. Словом, как в анекдоте: бороться надо, сопротивляться. В. Г. говорил о Монголии:

— Был в Эрденете, в Улан-Баторе, в Сухэ-Баторе. Монголы живут хорошо. На улицах Улан-Батора пробки, машин стало много. В Монголии поголовье скота достигло 28 млн голов, при социализме стремились к 20. Торгуют в основном с Кореей, Китаем, Японией. Американцы подбираются к медному руднику. Наш гендиректор одного из рудников жалуется, что нашему правительству ничего не нужно. А вообще-то Монголию нельзя отдавать. Старые монголы упрекают: что же вы нас бросили? Особенно боятся американцев. А ведь у них с нами 3000 км границы.

Я спросил, как он съездил в Усть-Уду, как строительство храма?

— Да, двигается дело. Денег нет, обещают перечислить, да вот что-то задерживают.

— Может быть, поискать в Иркутске?

— Нет, пока не надо. Я сам потом пойду, — и перевёл на дачные дела, что надо ехать, наводить порядок после ремонта.

— Может, воскресник устроим, я приеду, позову кого-нибудь.

— Да нет, не надо, я сам.

Не любит он переключать свою ношу на чужие плечи, даже малую.

Как-то ходили по чернику. Набрали примерно по ведёрку, я хотел ему помочь, давай, Валя, говорю, я котелок твой возьму. Он преградил мне движение своей внушительной фигурой и не позволил.

8 сентября 2005 года.

В 13:30 зашёл в редакцию В. Г. У меня сидел Николай Сиротенко, мой приятель, знаменитый в Усольском районе садовод, привёз диковинные плоды для Сибири: элеутерококк, лимонник, маньчжурский орех, яблоки-полукультурки, груши, стал объяснять лечебные свойства, предлагал пробовать, но оговорился, что надо помыть.

— А дети-то не моют, оботрут соплями, и ничего, — улыбнулся Валентин Григорьевич. Иногда он улыбается как-то грустно, не во всей полноте.

Я заметил, когда он волнуется или когда случайные люди говорят ни о чём, он качает правой ногой.

Попробовали ранетки. Лимонник Валентин разжевал, видимо вкус понравился:

— Вася, давай, вот этот хвост поделим пополам.

Я разрезал ножницами протянутый мне стебель. Он положил отрезок в карман пиджака.

23 октября 2005 года.

Утром кто-то позвонил. Телефон верещал недолго, пока я дошёл из кухни — замолк. В половине одиннадцатого пришёл в Дом литераторов, и Люба, дежурная, сказала, что звонил В. Г. Я набрал его номер, и он мне сказал, что Кутищева нас ждёт к 11:00 по вопросам издания журнала “Сибирь”, что другого времени сегодня у неё нет, а завтра В. Г. уезжает в Москву. Я спросил, звонить ли Лаптеву: накануне на заседании правления писательской организации мы договаривались идти вместе. В. Г. сказал, что не надо.

В комитете культуры я разделся на первом этаже, рядом с дежурной, там уже висело пальто В. Г. Поднялся на второй этаж, В. Г. сидел в приёмной и разговаривал с Сергеем Геннадьевичем Ступиным, заместителем министра, спустя несколько минут вышла из кабинета Марина Токарская, лицо красное, тяжёлое, видно, что разговор был нелицеприятным. Вера Ивановна пригласила нас, мы вошли. В. Г. сел у стола слева, я посредине, Ступин — справа от меня.

Вера Ивановна рассказала о конфликте между Мариной Токарской и директором симфонического оркестра Зверевым.

— Марине-то, наверное, лет тридцать пять, — спросил В. Г.

— Да что вы, Валентин Григорьевич, она наших лет, — глядя почему-то на меня, ответила Кутищева.

Пришлось парировать:

— Валентин Григорьевич, это Вере Ивановне тридцать пять, а Марине, конечно же, больше. — Здесь замечу, что Марина удивительно красивая, редкого обаяния смуглянка.

Я достал фотографии Веры Ивановны (снял на открытии Центра русской культуры).

— Видите, какая она у нас молодая и красивая.

— Василий Васильевич, вы такие слова говорите, уж сразу просите денег на журнал, сколько надо, дадим...

Валентин Григорьевич поблагодарил Веру Ивановну за финансирование книги “Сибирь”, сказал, что корректура закончена.

— Ещё я хочу сказать, что больше не буду организовывать “Сияние России”, я уже говорил об этом, но сейчас уже говорю твёрдо. Годы берут своё, усталость сказывается, да и надо уже, наверное, как-то по-другому это делать, и я предлагаю вместо себя, он ещё об этом не знает, Василия Васильевича и Михаила Корнева, думаю, они вдвоём с этим справятся.

— Ну, вы-то, Валентин Григорьевич, будьте хоть знаменем, лицом, что ли, этих праздников.

— Да какое у меня теперь лицо, помогать буду, но не главной фигурой.

Вера Ивановна сказала:

— Хорошо, пусть этим писательская организация занимается.

Затем В. Г. попросил не прекращать денежной помощи писателям, членам СП:

— У нас пять-семь человек могут прокормиться самостоятельно. А остальные нищие...

Вера Ивановна пообещала. Но чиновничье слово сегодня ничего не значит, и не от чиновника подчас это зависит. За двадцать лет я столько наслушался обещаний, и таких красивых, что до сих пор сожалею, что не записывал: такое красноречие не у всякого классика нашей литературы найдёшь.

18 мая 2006 года.

Шёл по ул. Степана Разина в Дом литераторов в начале одиннадцатого. По другой стороне улицы в противоход — В. Г. своей неторопливой тяжёлой поступью, наклонив голову, не глядя по сторонам. Я перешёл улицу, поздоровались.

— Ты, наверное, на почту, — спросил я его, потому что часто видел, как он возвращается утром с почты, несёт в пакетах бандероли, посылки с книга-

ми, папки с рукописями. Не щадила классика современные доброты-сочинители.

- Да нет, надо уколы поставить, может, легче станет, что-то совсем худо.
- Ты себя переживаниями довёл.

Кивает головой.

– Да не только этим. Постоянно куда-то надо идти, звонят, говорят – то обещал, это. А я не помню, а идти надо, если обещал. А как иначе, уже ничего не изменишь. Да и жизнь, как *посмотришь холодно вокруг*, улыбки не вызывает. Ты не знаешь, где страхуют на самолёт?..

22 июня 2006 года.

Около одиннадцати зашёл В. Г. Свежевыброе лицо, бодрый, по-летнему.

- Выписался. Как себя чувствуешь?
- Да оно как-то непонятно. Какие-то системы ставили, обследовали.
- Что говорят?

– Ничего определённого. Давление у меня нормальное, – улыбнулся. – Сердце тоже. А остальное: тут у вас есть какие-то отклонения, там есть, а в общем – нормально.

– Тебе отдохнуть надо. Может, в санаторий какой уединиться?

– Да летом какой санаторий? К тому же я ремонт затеял на даче, все деньги туда уходят, не думал, что так дорого. Это в больницу меня устроили бесплатно, а там платить надо. После больницы память совсем отшибло, раньше хоть что-то помнил, а тут звонил Валентин Курбатов, договорились съездить в Аталанку с Сапроновым. Я считал через неделю, а жена говорит, какая неделя, вы же договорились на этой неделе ехать, совсем забыл... .

Пришёл А. С. Гурулёв. Пили чай и говорили об Усть-Уде, Балаганске. Два посёлка, примерно одинаковых по численности, районные центры, на одной реке, на противоположных берегах, и такие разные. Может быть, дело в названии. Как назвали посёлок, так он и живёт.

Вспомнили “Сияние России”. Приезжаем в Балаганск, запланировано выступление в ДК Евгении Смольяниновой. За пятнадцать минут до начала зал пустой, стайка неприкаянных детишек-дошколят. Геннадий Гайда и Костя Житов бегают по улице, собирают публику. Концерт всё же состоялся, благодаря их усилиям, а не администрации. А в Усть-Уде – полный зал, встретили на крыльце хлебом-солью.

– А в Аталанке, в твоём доме, кто живёт? – спросил Альберт Семёнович.

– Двоюродного брата пятиюродный зять. Странный такой парнишка. Я как-то приехал, он говорит: “Дядя Валя, не дадите ли мне денег займы на трактор?”.

Улыбается. Понятно: откуда у Распутина такие деньги.

Потом вспомнил давнее.

– Мы как-то в Братск выступать ехали: Дима (Д. Сергеев), Слава Шугаев, Саня (Вампилов) и я. Остановились в Аталанке. Тогда самогон варили, была и рыба, и икра. Первым не выдержал Шугаев. Он более всех деловой был, уехал в Иркутск. Дима в Братск поехал, самый старший, ответственный. А мы с Саней задержались. Когда в Братск приехали, то на нас не было ни кожи, ни рожи, – смеётся, видимо, представил себя и Вампилова после загула.

– Валя, у меня фотография есть того дома, в котором ты жил, когда учился в Усть-Уде, я тебе её найду.

– Хорошо. Там же отношения были удивительные! Родственников у меня там не было, просто знакомые. Вначале я несколько месяцев прожил в одном доме, потом у милиционера Толдонова. Фамилия, похоже, бурятская, но люди были русские. Тогда отношения были другие. Я жил у них, как у родни. Обедали – меня звали за стол. Подкармливали. Родственники рассчитывались картошкой, в основном, что ещё могли дать? Да и много ли картошки... .

12 июля 2006 года.

Катастрофа.

Мы с Тамарой были в Култуке, приехали в субботу утренней электричкой. Я истопил баню. Дождь был накануне, шёл в субботу и воскресенье до вечера.

Утром распустились дикие розы. Тамара прополосала две грядки, я окупил несколько рядков картошки.

Утром сообщение Московского радио: в Иркутске разбился А-310, погибли два человека. Сообщение показалось странным: такой огромный самолёт разбился, и только двое погибших. Маловероятно, воспринял с недоверием. Через какое-то время увеличилось до ста и более. Иркутское радио обещает дать полную информацию о случившемся в 18 часов. Собираемся ехать в Иркутск, дождь, в огороде делать нечего. В Иркутске закрыт мост, ремонт, идём с вокзала пешком.

В 22:00 в новостях сообщают: в авиакатастрофе погибла дочь известного писателя Валентина Распутина – Мария. “Маша, Боже мой”, – рыдания накатывают. Как переживут это Валентин со Светланой?..

14 июля 2006 года.

Отпевание в Знаменском соборе. Служил владыка Вадим. На поминках говорили те, кто знал Машу: преподаватели, подруги, москвичи и иркутяне. В какой-то момент Валентин встал:

– Здесь много говорилось об особенностях Марии, её какой-то особой святости. Я думаю, что в самолёте были ещё более особенные люди, но мы собрались по поводу Марии, и она для нас лучше других. В детстве она была ребёнком с характером, и когда я однажды её отшлёпал за какую-то провинность, она заставила меня попросить у неё прощения. Ну, что, шлёпнул один раз.

Она всегда много работала. Я ещё дома, ещё сплю, а её уже нет. И в праздники тоже. Хочется подняться пораньше, пойти на службу, а всё что-то держит. А она уйдёт ранним-рано до службы. Тут собираешься, пойдёшь, стоишь, на Пасху скажем, да нет сил до конца дослужить, устанешь, раньше времени домой уйдёшь, разламываешь надвое, а она, глядишь, всю службу отстоит. Я уже выспался после, – она приходит, светла и сильна.

У нас с ней никаких не было имён друг к другу, я её Марусей звал, она меня папа. А не так, как тут говорят: Пусенька-Лагусенька.

23 сентября 2006 года.

Позвонил Распутину, Светлана Ивановна сказала, что В. Г. вернулся в Иркутск, вчера. Ушёл по делам.

Назавтра зашёл ко мне узнать, как идёт подготовка к “Сиянию России”. Беспокоился о поездке по области. Понятно, Иркутск “переел” этих встреч, поэтому он хотел, чтобы Куняев с редакцией “Нашего современника” побывали в Усть-Илимске, Братске, Тайшете, где в газете в пятидесятых работал Станислав Юрьевич. Накануне я созвонился с Куняевым, и такая программа была свёрстана. Учтывая, что до Усть-Илимска сутки ехать на поезде, решили никуда, кроме Тулуна, не двигаться. В. Г. посетовал, напомнил про Тайшет. О поэте Геннадии Ивановне заметил, что его лучше в Иркутске оставить, провести по воинским частям. В кабинете у меня сидел Александр Турик, пообещал посдействовать. В. Г. возразил по программе, где была обозначена презентация его книги “Сибирь, Сибирь” как “Встреча с Распутиным”, сказал, что надо написать: презентация.

Устал он. Видел его интервью по ТВ после освящения храма в Ангарске. Даже голос за последние два месяца стал слабым, надтреснутым. Не дай нам Боже терять своих детей!..

16 октября 2006 года.

Перед обедом шёл по ул. Горького в сторону Большой, перед трамвайной остановкой, не доходя, метров десяти, увидел В. Г., пошёл через улицу навстречу, он глянул на меня мельком, я думал, узнал, но когда остановился напротив, он поднял глаза и удивился:

– Ты куда?

Я понял, что он вообще слабо видит. Выглядел он лучше, чем в предыдущую встречу: лицо довольно свежее, и глаза не уставшие. Я сказал ему об этом.

– Да, вот выспался сегодня, не всегда это удаётся. Ходил к Аксаментову, не все лекарства без рецептов нынче дают, он выписал.

17 мая 2007 года.

Виктор Васильевич Вертянкин, бывший капитан теплохода, долгие годы плавал по Ангаре, принёс и просил передать Распутину старые фотографии

видов Усть-Уды, Ангары, островов. Я позвонил Валентину, он пришёл, взял фотографии, поблагодарил. Кто-то его ждал в прихожей на диване.

– Что, не дают отдыхать?

– Да скоро уж отдохнём... – Голос спокойный, твёрдый.

18 июля 2007 года.

Позвонил В. Г. – передать присланное из Москвы приглашение на Шукшинские чтения и поговорить о поэте Трофимове. Привычно спросил:

– Как дела?

– Да какие дела? Всё по больницам хожу, вот сегодня снова надо идти.

– Видно, время пришло, – улыбается, – уже давно пришло, да и уходит.

– Я тебя на десять лет младше, и то постоянно то там болит, то в другом месте ноет, надо сдаваться идти, но у нас как-то не принято ходить к врачам, есть такое весёлое определение: еврей обращается к врачу за год до первых признаков заболевания, а русский – за полчаса до смерти.

– Да я тоже тянул, но уже дальше некуда.

Поговорили о жилье для Михаила Трофимова, который по обстоятельствам оказался без квартиры. В. Г. сказал, если денег администрация даёт мало, надо поискать для него коммуналку какую-нибудь.

21 августа 2007 года.

Говорил по телефону с председателем Союза художников России Валентином Михайловичем Сидоровым, я просил разрешение опубликовать что-нибудь из его прозы или рассказов о художниках и представить его живопись в “Сибири” к Дням русской духовности и культуры “Сияние России”.

– Это Распутин меня вдохновил заняться писательством. Я рассказывал ему какую-то историю, а он мне: “Записывать это надо!” Вот теперь Станислав Куняев берёт мои *коротенькие рассказы* (именно так и сказал!) в журнал.

21 сентября 2007 г<ода>

Встретил на вокзале посылку для выставки на “Сиянии России” из Питера – Анатолий Пантелеев прислал фотографии. Перед обедом зашёл В. Г., Нэлли Семёновна сидела с нами.

В. Г. говорит:

– Мы, когда из храма шли с владыкой (Вадимом), он спрашивает: “Дочь в снах приходит?” Я говорю: “Нет”. Он промолчал, и я не спросил, почему, что это значит. Наверное, как умер человек, какой смертью. А мне вообще сны перестали сниться, и дочь, и вообще ничего не вижу.

Помолчал.

– Вчера спектакль был хороший Омского театра, там песня народная, просто удивительная, рефрен там такой: “Нас не будет – ничего не будет...” Сегодня возьму у них кассету. Что-то я тут рассиделся, меня жена за луком отправила.

31 октября 2007 года.

В редакцию зашёл В. Г. На запястье правой руки и чуть выше – гипс, по бинту видно, что давно наложен. Сел справа от стола, подал мне левую руку. Молчит. Его немногословие меня раньше смущало, пока я не понял, что эта тягостность – во мне. Надо просто о чём-то заговорить, и он с охотой включится в беседу, а начать с пустяжных разговоров сам не может, не любит попусту воздух сотрясать.

– Что у тебя с рукой, сломал что ли?

– Нет, просто что-то случилось, надо было руке покой дать, а я не могу одной, помогаю, и вот, снова разболелась, завтра пойду в больницу. Да я просто так зашёл к тебе, с Любой Васильевой договорились встретиться, она сказала, какие-то деньги надо получить за “Сияние”, ничего не делал, а деньги дают.

Заговорили о прошедших Днях русской духовности и культуры.

– Новые эти девушки (сотрудницы министерства культуры, занимавшие организацию встреч на празднике “Сияние России”. – В. К.) совершенно другие, уже из другой культурной среды. Люба, она наш человек. Я с ними неделю работал, равнодушные они какие-то. В гостинице не ночуют, у гостей могут и поздно вечером вопросы возникнуть, и рано утром, а никого нет.

На Байкал поехали, устроили обед в ресторане, на берегу перед отплытием, зачем, когда на теплоходе всё приготовлено, — сказал я.

— Прежние, Ольга со Светланой, старались, от работы светились прямо. Видимо, уже надо менять что-то, устали все.

— Не думаю. Принимают сейчас спокойнее, привычно, как старых знакомых: тепло и по-домашнему просто.

— Надо в другие аудитории выходить, две встречи можно в Иркутске проводить, допустим, в Гуманитарном центре, Железнодорожном университете. А остальные искать. В Усолье — ты ведь тоже там был! — замечательные люди.

— Всё в деньги упирается. Братск, Ангарск, Усть-Илимск и другие города надо задействовать.

Поговорили об издании книг Распутина.

— Сапронов хорошие деньги зарабатывает на мне.

10 сентября 2008 года.

Часов около двенадцати пришёл В. Г. Спросил с порога, какое сегодня число.

— Десятое, — говорю, — среда.

— Вот те на! Я считал — понедельник. Значит, вчера был юбилей Дорониной. Забыл поздравить.

— Это можно по телефону сделать.

В. Г. попросил бумагу, написал текст. Я позвонил на почту, передал.

— И всё? — спросил В. Г. с улыбкой.

— И всё, — с улыбкой ответил я.

Как выяснилось после, улыбались мы не зря: В. Г. перепутал дату и отбил телеграмму раньше срока.

4 октября 2008 года.

Утром позвонил К. Житов, потом Распутин, спросил, приехал ли Елфимов. Мы с Анатолием Байбородиним накануне около полуночи встретили его в аэропорту. Он был растроган, говорил, что мог бы сам доехать. Рассказывал по дороге, как его в прошлый приезд встречал “великий Распутин”.

Я утром позвонил и сказал В. Г., что Елфимова встретили, договорились увидеться в гостинице в 13:00, пообедать. Я поехал открывать мемориальные доски Георгию Маркову и его жене Агнии Кузнецовой на ул. Карла Маркса, 33 (мемориальные доски были установлены по предложению Валентина Григорьевича).

В гостинице “Русь” в № 409 у Елфимова сидели Распутин и Костя Житов.

— Меня сегодня с утра крупно наказали, выговор с предупреждением Житов вынес, — глядя на Костю, улыбается Валентин Григорьевич.

— Костя может, — в тон ему говорю я, — он теперь самый известный человек в Иркутске, гости приезжают на “Сияние России” и первым делом здоровьем Константина Яковлевича интересуются, — поддержал я весёлую волну, зная, что В. Г. любит подшучивать над Костей, — вчера даже анекдот мне кто-то из них рассказал. Приглашает как-то Папа Римский Костю Житова в Ватикан, не буду, говорит, “Слово к граду и миру” произносить, если Костя Житов не приедет. Губернатор вызывает Костю и говорит: “Константин Яковлевич, у нас сейчас свобода и гласность, поэтому я не могу вам запретить, даже если в следующий раз вас президент США пригласит, но мы не можем вас одного туда отпустить, вдруг какой международный скандал выйдет. Мы отправим с вами нашего человека из компетентных органов, он всегда будет рядом, к тому же итальянский язык знает неплохо”. Приехали они в Рим, на площадь святого Петра пришли, там уже народ собирался, и Костю сразу же кардиналы сопроводили в папские покои. Выходит Папа Римский на балкон, справа от него — Костя. Народ ликует. Наш человек глазам своим не верит, а тут какой-то итальянец из толпы повернулся и спрашивает на чистом итальянском языке: “Друг мой, а ты не знаешь, что это за чудака на балконе рядом с Костей Житовым стоит?”

Больше всех смеялся Костя.

Спустились в ресторан. Подошла официантка к столику, посмотрела на В. Г.

— Вы же Распутин?

— Да не совсем так, — улыбнулся В. Г. И уже нам:

– Раньше меня часто узнавали, а теперь уже перестали. Одни умирают, а молодёжь не знает.

– А эта женщина, ей лет 40, не больше, но ведь узнала, – сказал я.

Начали вспоминать разные случаи с “узнаванием”. К. Житов:

– А помнишь, Валентин Григорьевич, как мы на пароме в Усть-Уду плыли. Подходили ко мне и просили: поговори с В. Г., чтоб с ним сфотографироваться.

Я тоже вспомнил: однажды приехали в Балаганск. Стояли возле администрации, слух, видимо, прошёл, что приехал Распутин, подошёл какой-то молодой человек и стал убеждать Валентина, что тот пишет стихи и работал с его отцом. В. Г. понял, что человек не туда заехал:

– Это был не я, это мой брат, – сказал Распутин, – я ему разрешаю стихи писать, а прозу – нет.

Елфимов вернулся с Камчатки, увлечённо рассказывал о гейзерах, медведях и т. д.

1 марта 2010 года.

Позвонил В. Г. в Москву, в радиотелефоне было плохо слышно, перешёл в другую комнату, взял обычную трубку. Сказал ему, что получил от него очерк-дневник В. Курбатова о поездке на Богучанскую ГЭС. Читая, чуть не заплакал от обиды и беспомощности нашей. Он спросил о журнале, о самочувствии.

– Да бросить иногда хочется всё и уехать в деревню, заняться каким-нибудь полезным делом: дом строить, рыбу ловить и Бог знает ещё чем от неопределённости. Уровень литературы упал, редко встретишь стоящую вещь.

– Да и здесь, в Москве то же самое. По всей стране поэзия ещё встречается, публицистика есть, а прозы совсем нет.

Спросил о здоровье Светланы Ивановны.

– Да непонятно всё, в больницу должны положить, а положат или нет, неизвестно.

Обычно, когда звонишь ему в Москву, старается долго не говорить, зная, что переговоры стоят дорого, обязательно спросит, из дома или из редакции звоню.

18 августа 2010 года.

Я был в редакции “Сибири”, когда около 16 час<ов> вечера позвонил Терещенко. Мы договаривались с ним сходить к В. Г. Я, грешным делом, забыл договориться заранее с Валентином. Николай Васильевич сказал, что будет в Иркутске ближе к полудню, и попросил созвониться с В. Г. Я познакомил его с Распутиным несколько лет назад, они близко сошлись, но вот позвонить напрямую Николай не всегда решается и иногда просит меня.

Я позвонил Валентину по домашнему телефону, сказал, что завтра приезжает Терещенко и надо встретиться.

– Я завтра собираюсь на дачу после обеда, но вас дождусь. Когда приедете, тогда приедете...

Николай помог водителю вытащить из багажника полиэтиленовый мешок с сохатиной, литров на восемь флягу с мёдом и большое голубое пластиковое ведро с черникой. Я взял ведро, в другой руке у меня был полиэтиленовый пакет с журналами “Сибирь” и “Фразеологическим словарём” Бокатиной, который она передала В. Г. ещё весной, когда он был в Москве.

Светлана Ивановна поставила на стол глубокие большие блюда, мёд, чернику в широкой чашке, нарезала белый подрумяненный калач, положила большие и маленькие ложки, налила нам чай, извинилась, что ей надо уйти по каким-то делам.

В “Сибири” были опубликованы рассказы Андрея Антипина, и я хотел, чтобы В. Г. познакомился. За столом, когда пили чай, подбираясь к публикации, я его спросил:

– Как глаза? Читать не мешают?

Он длительно отстранённо молчал, мне даже показалось, что он не слышал вопроса.

– Да глаза как будто на прежнем месте, не хуже вижу, но просто вообще читать не хочется, ничего.

Я не стал ничего говорить и, только уже прощаясь, передал ему журнал “Сибирь” № 2/2010 и сказал, что здесь опубликован интересный автор:

– Посмотри, Валя, если будет желание и время. На мой взгляд, это серьёзный писатель, хотя ему только двадцать пять лет.

– Я его как-то пропустил, не заметил.

Хотя надо отметить, что он всегда относился внимательно к молодым и помогал опубликоваться в Москве на первых порах и Анатолию Байбородину, и Валентине Сидоренко, ревностно следил за публикациями в “Сибири” и, если встречал стоящие или слабые, непременно высказывал мне подчас откровенные неприятные мнения.

18 сентября 2010 года.

Тулун. Казачка. Разговор о поражении ГКЧП. Валентин Григорьевич:

“Не оказалось национального лидера. Думаю, что национальный лидер всё-таки придёт. Два раза встречался с Путиным, на которого возлагал какие-то слабые надежды, разочаровался в нём, хотя очарования никакого не было, но была надежда”.

22 марта 2012 года.

После 17 <часов>, уходя из редакции, встретил К. Житова, вместе спустились по лестнице.

– Ты куда?

Он показал направо, а мне – налево. Через малое время слышу крик сзади: “Вася!” – подумал, не меня, но оглянулся. В мою сторону шёл В. Г., рядом Костя махал мне рукой. Я пошёл им навстречу...

Некоторое время шли молча. Я спросил о Светлане Ивановне.

– Она была в больнице, вот уже три дня, как дома, а завтра снова в больницу...

Они приехали в Иркутск неожиданно. Светлана Ивановна уже несколько лет болеет, у неё рак, метастазы уже дают сильную боль. Накануне отъезда из Москвы С. И. сказала, что будет умирать в Москве. В. Г. сказал: “Может быть, поедет домой?” Она отказалась.

А утром сама твёрдо сказала, что хочет домой. Они буквально за несколько часов собрались и прилетели в Иркутск. В аэропорту “скорая” прямо с самолёта увезла её в больницу.

– А как ты, как журнал “Сибирь”?

– Да по-прежнему всё. В прошлом году выпустил пять номеров, у города под 350-летие удалось выпросить денег на один номер. Никому уже журнал не нужен – ни власти, ни писательской организации, ни мне. Было бы кому передать, оставил бы это занятие.

У перекрёстка Разина и Свердлова остановились. Заверещал светофор.

– Это у меня, что ли, – В. Г. подумал, видимо, что звонит сотовый, пошарил в кармане, достал расчёск, приложил к уху и снова опустил её в карман. Этот жест можно было принять и за шутку, и за рассеянность.

Он изменился за год. Похудел, осунулся, глаза впали ещё больше, уставые, но с приветливым выразительным светом.

30 мая 2012 года.

После 15 часов пришёл в Дом литераторов. В редакции была Валентина Андреевна. Я стал распечатывать на принтере материалы очередного номера, печатал на оборотах, т. к. чистая бумага кончилась. Пришёл В. Г. в светлой кофейной рубашке, тёмных брюках и в кожаных светло-коричневых плетёных туфлях.

– Здравствуйте, ну, как вы тут, чем занимаетесь? Все уже по дачам живут.

– Мы номер заканчиваем, сдадим в типографию и собираемся месяц отдохнуть, хотя месяц вряд ли, но сколько получится.

– Какой номер делаете?

– Третий, второй в типографии, через неделю выйдет.

Я рассказал ему, что в последнее время в очередной раз возникли сложности с финансированием, т.к. <как> к<как> издательство “Иркутский писатель” закрыли, а через Дом литераторов невозможно финансировать. Рассказал и о кемеровских “Огнях Кузбасса”, издававшихся в одном издательстве, а сейчас тендер выиграло другое, которое вообще не занималось изданием регулярного журнала, и что будет, непонятно. Договорились летом съездить на Лену или в Тункинскую долину.

Когда он ушёл, я подсел к принтеру и увидел, что на обороте последней распечатанной страницы был портрет Валентина Распутина, опубликованный в альманахе "Иркутский кремль". Такое вот совпадение.

5 мая 2013 года.

Пасха Христова на земли воссия...

Накануне в Харлампиевском храме, когда вошёл, увидел впереди В. Г., он продвигался со свечой в правой руке к паникадилу, народ стоял плотно, и он упёрся в спины, остановился. Я протиснулся к нему:

— Куда это вы, молодой человек, спешите?

Он обернулся.

— А, Вася, здравствуй.

Служба ещё не началась, все в ожидании Крестного хода, и мы с ним негромко переговаривались.

— Ты в Союзе-то бываешь? — Союзом мы называем Дом литераторов, повелось с советских времён, и это отражало суть организации — Союз писателей.

— Захожу иногда, когда дело есть.

— Я вчера заходил, там Гурулёв сидит, не очень довольный.

— Да у них с Лаптевым разные взгляды на литературу... Сложно определяться по рукописям.

— Мне кажется, у него вкуса никогда не было. И писатель он слабый. Гурулёв говорит, что журнал лучше не будет.

— А откуда ему быть лучше? Тех писателей, которые раньше публиковались, уже нет... Какой может быть журнал? Все сотрудники в редакции такие разные и странные, что Гурулёв там — белая ворона.

— Он там долго не просидит.

— Пусть хоть на бензин немного заработает.

1 июля 2013 года.

Разговариваем по сотовому с В. Г.

— Ну как, здоровы, как Тамара?

— Ходить начала, с палочкой передвигается.

— Ну, слава Богу. А ты как?

Никогда ведь не забудет спросить о здоровье.

У меня к Распутину было поручение от ветерана Отечественной войны А. Г. Белоусова: передать его книгу о Качуге и взять автограф на распутинской книге "Сибирь. Сибирь". Валя сказал, что он на даче, в городе будет в конце недели и позвонит мне.

— Ты дай мне свой телефон.

— Да он же у тебя в твоём телефоне обозначился.

— Нет, ты лучше продиктуй, я сейчас ручку найду, меня учили два раза, как это делать, но я так и не освоил. Я тебе позвоню, когда приеду в город.

4 сентября 2013 года.

Утром, после 10 часов позвонил Распутину, чтобы узнать, в городе он или на даче.

— Я сейчас собираюсь в Дом литераторов, мне надо книги *отгрузить*. — Так и сказал.

— Я тоже подойду, помнишь, я тебе по поводу Белоусова звонил?

— Ты подходи попозже, в половине двенадцатого, я закончу, и мы с тобой поговорим.

Я сказал: "Хорошо". Но, подумав, тотчас собрался и пошёл в Дом литераторов, зная, что любителей перенести книги там может не оказаться, и он сам будет таскать коробки со своими книгами со второго этажа.

Мы встретились в прихожей, и он повёл меня в зал, в руках у него была книга.

— Скажи, а как его зовут, — он показал в сторону кабинета директора Дома литераторов, и в этот момент в зал вошёл Баранов, я понял, что за автографом.

— Здравствуйте, Юрий Иванович, — нарочито громко произнёс его имя. В. Г. сел за стол и начал писать. Ю. И. поблагодарил и удалился.

— Видишь, как у меня с памятью. В больницу ложусь. Я в Москве три раза в году лежу в больнице. Помогает. Но здесь лучше помогает, врачи, что ли лучше. На дольше хватает.

- Валя, я тебя на десять лет младше и тоже памятью не шибко отличаюсь.
- У тебя другое дело, а у меня полный провал. Пойдём, посидим на диване, поговорим.

Мы расположились недалеко от дежурной. В Доме идёт ремонт, мебель сдвинута, всюду раскрыты полы, штукатурка, готовятся к реставрации.

- Ты чем сейчас занимаешься?
- Работаю полномочным заведующим огородом, жена так и не ходит, поэтому одному приходится управляться в Култуке. За ягодой ходил.
- За какой? – оживился он, большой любитель этой охоты.
- За черникой. Далеко, правда, ходили, туда больше четырёх часов в гору, обратно около четырёх.

– Да-а-а, – растянул слово, представляя-вспоминая свои прежние походы. В это время зашёл Костя Житов и с ходу, не обращая ни на кого внимания:

- Ну, что, Валентин Григорьевич, видел свой портрет на баннере в Солнечном?
- Какой портрет?
- Предвыборный, с Василием Забеллой.
- Никакого портрета он у меня не брал, и я согласия не давал.
- А портрет висит, – Костя всегда легко врывается в любой разговор и направляет его в нужное ему русло, чаще всего – политическое.

Поговорить спокойно не получилось. Валя вскорости засобирался. Перед уходом сказал, что ложится в больницу.

- Мне и в Москве после больницы становится легче, а в Иркутске, мне кажется, пользы больше. Или врачи лучше, или лекарства другие.

13 сентября 2013 года.

Актёр Виталий Сидорченко рассказал, как Иркутский драмтеатр собирался ехать в Израиль на гастроли. Когда согласовывали с принимающей стороной репертуар, евреи категорически восстали против Распутина с его пьесой “Прощание с Матёрой”. Желание руководства съездить в Израиль победило чувство национального достоинства и гордости. Заменяли Распутина на Вампилова – “Прошлым летом в Чулимске”. Сидорченко играл в этой пьесе роль звенка и доволен, что съездил в Израиль.

- А ты рассказывал эту историю Распутину?
- Нет.
- Наверно, надо было.

27 октября 2013 года.

Перед встречей с читателями в библиотеке – молодые люди:

- Смотри, Распутин идёт.
- А кто это?
- А ты что, исторических романов не читаешь? Это Распутин, друг Астафьева.

14 ноября 2013 года.

Рассказал Костя Житов.

В Усть-Уде мужики хотели назвать сухогруз именем Валентина Григорьевича. Пришли к нему, не знают, как подступиться, говорят, можно, Вал<ентин> Гр<игорьевич>, мы даже имя ваше не будем ставить, просто “Распутин”. В. Г. поотказывался, поотказывался и согласился.

Стоят на берегу Ангары.

На берег выехала машина МЧС. Батюшка отец Алексей говорит:

- Вот эмчезсовцы подъехали, хотят, Валентин Григорьевич, назвать свою машину вашим именем.

Распутин посмотрел на него с улыбкой.